

ФИЛОСОФСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

От редакции

«Философский журнал» публикует цикл воспоминаний о недавно ушедшем из жизни выдающемся американском философе, историке русской философии Джеймсе Патрике Сканлане. Идея настоящей публикации принадлежит ближайшей ученице Сканлана Алиссе ДеБласио; ее начинание горячо поддержал профессор М.А. Маслин, которого связывали с американским философом дружеские и профессиональные отношения. Он взял на себя бремя всей переписки, связанной со сбором материалов, и подготовил к публикации тексты воспоминаний. Круг ученых, в центре которого находилась фигура Сканлана, во многом определил лицо современных исследований истории русской философской мысли. Многие крупные специалисты в этой области – авторы очерков в настоящей рубрике – были либо учениками, либо коллегами и друзьями американского исследователя. Другие были долгие годы связаны с ним общими научными интересами. Свой вклад в создание цикла публикуемых воспоминаний внесли всемирно известный польский академик Анджей Валицкий, американские исследователи Алисса ДеБласио, Ричард Т. Де Джордж, Владимир Марченков, Филип Т. Гриер, Ив Левин, предоставившие свои очерки на русском языке, а также русские авторы В.А. Кувакин и М.А. Маслин.

Редакция журнала выражает особую благодарность М.А. Маслину и А. ДеБласио, без инициативы и деятельного участия которых данная публикация «Воспоминаний» не могла бы состояться.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЖЕЙМСЕ СКАНЛАНЕ

Анджей Валицкий – действительный член Польской академии наук, почетный профессор университета Нотр Дам (Индиана, США). University of Notre Dame, Notre Dame, Indiana 46556 USA; e-mail: philosjournal@iph.ras.ru

Алисса ДеБласио – Ph.D, доцент и заведующая кафедрой русского языка и литературы. Дикинсон колледж (Пенсильвания, США). Dickinson College, USA, 17013, Carlisle, Pennsylvania; e-mail: deblasia@dickinson.edu

Ричард Т. Де Джордж – Ph.D, почетный профессор философского факультета. Университет штата Канзас (США). University of Kansas. USA, KS 66045-7590, Lawrence; e-mail: philosjournal@iph.ras.ru

Маслин Михаил Александрович – доктор философских наук, заслуженный профессор, ведущий кафедрой истории русской философии. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: rf@philos.msu.ru

Кубакин Валерий Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: rf@philos.msu.ru

Ив Левин – PhD, главный редактор журнала “The Russian Review”. The Russian Review, 320 Bailey Hall, 1440 Jayhawk Boulevard, Lawrence, KS 66045-7574, USA; e-mail: evelevin@ku.edu

Филип Т. Гриер – почетный профессор философии и религии. Дикинсон колледж (Пенсильвания, США). Dickinson College, USA, 17013, Carlisle, Pennsylvania; e-mail: grier@dickinson.edu

Марченков Владимир Леонидович – PhD, профессор философии искусства. Университет Огайо. Ohio University, School of Interdisciplinary Arts, USA, 45701, Athens (Ohio), 31 South Court Street, Room 068; e-mail: marchenk@ohio.edu

Цикл публикуемых воспоминаний посвящен памяти выдающегося американского историка русской философии Джеймса Сканлана, знаменитого своими работами о философских взглядах Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, переводами на английский язык трудов русских философов, исследованиями, посвященными развитию марксизма в СССР и российской философии в постсоветский период. Среди заслуг Сканлана – изданная им совместно с Дж. Эди, М.-Б. Зелдин и Дж. Клайном антология «Русская философия», и по сей день используемая в американских университетах в качестве незаменимого пособия в изучении истории русской философии. Сканлан был в числе первых исследователей, заложивших в США основы такого направления, как «философская советология». Авторы публикуемых в данной рубрике очерков рассказывают о научной биографии Сканлана, о событиях, сопровождающих появление трудов философа. Особое внимание уделяется здесь личным воспоминаниям, впечатлениям от встреч и совместно пережитых событий, исторической атмосфере описываемого времени, в частности переменам, произошедшим в России в 1990-е гг. XX в.

Ключевые слова: Сканлан, Толстой, Достоевский, Клайн, русская философия, философская советология, марксизм

Анджэй Валицкий

Джеймс Сканлан

Джеймс Сканлан остался в моей памяти как человек больших заслуг и в то же время удивительной скромности, которая часто казалась мне преувеличенной.

Заслуги Сканлана как знатока русской философской культуры не ограничиваются его научным творчеством. Вместе со своим старшим другом Джорджем Клайном он стал одним из «отцов-учредителей» американской так называемой философской советологии – академической дисциплины, пользующейся заслуженным уважением научных кругов. Необходимым условием этого важного культурного предприятия было, конечно, издание по-английски основных текстов. Реализация этого проекта началась с пионерской трехтомной антологии русской дореволюционной философии¹, указывающей в

¹ Russian Philosophy: in 3 Vols. Knoxville, 1976. (Previous eds.: Chicago, 1965 and 1969.)

хорошо подобранных текстах на удивительное разнообразие русского философского наследия – от столь разных ее основоположников, таких как Радищев и Чаадаев, до классиков религиозного идеализма (включая его развитие в условиях эмиграции), с одной стороны, и русского марксизма, с Лениным и его марксистскими критиками – с другой.

Идейным вдохновителем этой антологии был, по-видимому, Клайн – знаменитый переводчик классической «Истории русской философии» В.В. Зеньковского. Сканлан, специализирующийся в области истории материалистического течения русской мысли, позаботился о включении в это издание наиболее репрезентативных философских текстов представителей секулярной и революционной традиции, от Герцена, Бакунина и Чернышевского до марксизма включительно. В результате возникла книга, не укладывающаяся в трафаретные представления о России и русской философии.

Следующим шагом было ознакомление американцев с современным состоянием и развитием философской мысли в России. Главную роль в этой не всегда благодарной задаче взял на себя Сканлан как *spiritus movens* специального «журнала переводов» под названием “Soviet Studies in Philosophy”, публикующего переводы несокращенных текстов советских философов. В условиях холодной войны легко было превратить эту идею в орудие идеологической борьбы с советским противником – достаточно было переводить статьи партийных «руководителей философского фронта» с их деревянным и в то же время непревзойденно агрессивным языком, скрывающим полное отсутствие творческой мысли. Издатели “Soviet Studies” избрали, однако, противоположный путь, переводя, главным образом, статьи наиболее (в той или иной мере) оригинальные, показывающие советскую философию с наилучшей стороны.

Такой же подход характеризовал авторскую книгу Сканлана «Марксизм в СССР: критический обзор современного советского мышления»². Несомненной заслугой этой книги было указание факта, что философская культура сохранилась в России в условиях «марксистско-ленинской» идеологической диктатуры. Слабостью этого анализа была только недооценка возможности полного провала псевдомарксистской идеократии и появления на ее месте преувеличенных надежд на возрождение России путем возврата к великим традициям русского религиозного идеализма.

Пора, однако, перейти к моим личным воспоминаниям о Сканлане. Некоторая трудность состоит, однако, в определении начала нашего знакомства. В отношении Клайна все было просто. Хорошо помню день, летом в Нью-Йорке 1960 г., когда секретариат исторического факультета Колумбийского университета передал мне известие (я пребывал тогда в Нью-Йорке как стипендиат Фонда Форда), что известный специалист по истории русской философии хочет меня видеть. Встреча вскоре состоялась и была для меня очень интересной: приятно было узнать, что Клайн горячо симпатизировал польской «оттепели» и очень интересовался моим старшим другом Лешек Колаковским, который был для меня в то время очень близок. Наконец, Клайн удивил меня и обрадовал вопросом о моей недавно опубликованной книге³, показывающей важность многих русских мыслителей XIX в., совершенно независимую от мертвящих схем, навязываемых советскими учеными.

Вскоре после этой встречи я пустился в прекрасное путешествие на Запад, окончившееся приездом в Калифорнийский университет в Беркли. Приезжий из-за «железного занавеса» был тогда большой редкостью и воз-

² Scanlan J.P. *Marxism in the USSR: A Critical Survey of Current Soviet Thought*. Ithaca (NY), 1985.

³ Walicki A. *Osobowość a historia*. Warszawa, 1959.

буждал живой интерес, особенно если он был поляком, поскольку Польша после 1956 г. пользовалась заслуженной репутацией самой открытой и относительно свободной страны «советского блока». В таких условиях я быстро завязал многие ценные контакты, особенно близкие с профессорами русской истории – Николаем Рязановским и Мартином Малиа. Последний очень заинтересовался моей интерпретацией русского славянофильства как важной части общеевропейского консервативного романтизма и славянофилов как мыслителей, которые в своей критике западного рационализма сумели предвосхитить многие центральные идеи немецких классиков социологии – Фердинанда Тённиса, Макса Вебера и Карла Мангейма.

В середине октября, накануне моего отъезда из Беркли, я произнес на эту тему мою первую публичную лекцию на английском языке под заглавием «Личность и история в идеологии русских славянофилов». Успех этой лекции, организованной моими новыми друзьями, превзошел все ожидания. Она была сразу принята к печати и появилась на первом месте очередного тома “California Slavic Studies” вместе со статьями таких знаменитостей, как М.М. Карпович и новый профессор университета в Беркли Чеслав Милош⁴.

Все это было для меня радостным сюрпризом. Но еще более радостным оказалось то, что некоторые из моих слушателей, совсем мне неизвестные, запомнили меня и начали внимательно следить за моей научной карьерой. Одним из них был студент, будущий профессор русской истории, Теренс Эммонс, который в 1976 г. пригласил меня на полгода в Стэнфордский университет, вторым – японский студент, впоследствии известный славист, Тсугуо Тогава, который позднее пригласил меня в Саппоро. Третьим же, о чем я узнал только в январе 2006 года на небольшой конференции, организованной по поводу моего 75-летия университетом Нотр Дам, был неизвестный мне в 1960 г. Джеймс Сканлан! К моему удивлению, он рассказал на вышеупомянутой конференции, что он также был в числе слушателей моей калифорнийской лекции 1960 г. и с того времени считал меня образцом для подражания (“role model”) в изучении истории русской философии. В подобном же духе говорил мой старый друг профессор Абботт Глисон (Gleason), а малоизвестный мне профессор Джонатан Бичер (Becher) из Калифорнийского университета в Санта Крузе назвал меня даже «абсолютно центральной фигурой для американских исследований русской интеллектуальной истории»⁵.

Я принимал это «cum grano salis», прекрасно зная, что некоторое преувеличение всегда присутствует на конференциях «в честь», особенно если они организованы по поводу действительного или мнимого окончания чьей-то творческой деятельности. Но настоящей загадкой был для меня Сканлан. После моего переселения в США в 1986 году в связи с принятием профессуры в университете Нотр Дам я регулярно встречал его на ежегодных многолюдных конференциях Американской ассоциации в поддержку развития исследований по славистике (American Association for the Advancement of Slavic Studies, AAASS), довольно часто разговаривал в свободное время на темы общего интереса. Мы участвовали также в деятельности Транснационального Института – организации, созданной американским бизнесменом Клинтонем Гарднером, энтузиастом русской религиозной философии, желавшим

⁴ Walicki A. Personality and Society in the Ideology of Russian Slavophiles. A Study in the Sociology of Knowledge // California Slavic Studies. Vol. II. Berkeley; Los Angeles, 1963. P. 1–20.

⁵ См.: Ideas and Power in Modern Europe. A Conference in Honor of Andrzej Walicki (January 20–21, 2006) // Dialogue and Universalism. 2006. Vol. XVI. No. 1–2. P. 115–117.

использовать горбачевскую «перестройку» для создания интеллектуальных мостов между Западом и новой Россией. Но Сканлан никогда не упоминал, что знал меня уже с 1960 г.

Почему? Не знаю. Это только курьез, может быть, достойный упоминания.

Период частых встреч и интенсивного обмена мыслями со Сканланом начался для меня в драматическом августе 1991 г., через несколько дней после так называемого «путча Янаева».

Начало того года я провел в России как “fellow” фонда Гуггенхайма – много увидел, кое-что сделал и горел желанием вновь поскорее вернуться. Помог мне в этом вышеупомянутый Транснациональный институт, быстро организовавший нечто вроде «делегации» американских ученых, чудесным образом преодолевшей бюрократические препятствия. В составе мнимой «делегации» оказались, конечно, Клайн и Сканлан, а также Бернисс Глатцер Розенталь и Кэрил Эмерсон. Самолет прилетел с опозданием (с посадкой в Финляндии). Это было сразу после тех трех дней, которые решили судьбу России в пользу Ельцина, что означало близкий конец Советского Союза и триумфальный возврат к так или иначе понимаемой русской национальной идентичности.

Радостное, энтузиастическое чувство по поводу приближающегося возврата утраченного национального отечества абсолютно преобладало на большой философской конференции, которая являлась официальным поводом нашего приезда. Конференция эта, под названием «Возвращение русской философии», заседавшая целую неделю в двух городах (7–9 сентября в Петербурге, 11–14 сентября в Москве), не вмещалась в рамки научных докладов, выливаясь в спонтанный, эмоциональный обмен мнениями на религиозные и политические темы. Впечатление хаоса было, однако, поверхностным, поскольку все участники этих прений концентрировались на самом деле на одной теме: русская судьба, русская трагедия, необходимость нового осмысления мира через возврат к потерянным традициям. И никто не оспаривал слов председателя общества «Открытое христианство», который, открывая первую часть конференции, сказал: «Мы ищем спасения в русской религиозной философии».

Понятно, что мои американские коллеги не считали себя призванными включаться в эти дискуссии. Интенсивно обменивались мнениями в гостинице, во время ужина, но интересовались главным образом политическими и человеческими последствиями увиденного. Моя позиция была несколько иной. Имея за плечами тяжелый опыт сталинизма, я глубоко симпатизировал освободительным стремлениям русской интеллигенции и потому не стеснялся принимать в конференции активное участие.

В марте 1993 г. примерно та же группа американских ученых снова приехала в Москву в связи с конференцией на тему «Русская философия и современная Россия», организованной Институтом философии РАН. Мы надеялись многое узнать, в том числе о работах по критике советских фальсификаций философского наследия, не только отечественного, но и мирового. Ожидания эти были, по-видимому, преждевременными и не могли привлечь должного внимания людей, желавших прежде всего найти какой-то смысл в трагических судьбах «русской идеи». Сканлан на этот раз реагировал на это обвинением русских коллег в «неврозе уникальности», правильно указав, что необходимым условием возбуждения философского интереса к русской религиозной мысли вне России является умение переводить ее на язык универсальных, строго философских проблем. Я со своей стороны почувствовал

необходимость конкретизировать эту мысль указанием на то, что рефлексия о «русской идее» считается на Западе отраслью широко понятого «россиеведения», интересной для многих, но не принадлежащей к философии. Думая, что четкое осознание этой разницы в понимании предмета философии будет полезно русским коллегам в период расширяющихся философских контактов, я решил даже написать об этом небольшую статью («По поводу русской идеи в русской философии»⁶). Но мне даже в голову не приходило, что мои слова могут быть поняты как защита изучения философии в отрыве от историко-культурного контекста, в частности от драматических судеб национального самосознания. Я ведь всегда определял себя как представителя интеллектуальной истории, а не чистой философии, именно поэтому принял в Нотр Дам кафедру при департаменте истории, а не философии. И я всегда желал возрождения русской религиозной философии, говорил о близости ее триумфального возврата уже в 1995 г., на важной международной конференции в Женеве на тему «Советский Союз и вызовы будущего» (*The Soviet Union and the Challenge of the Future*), а потом также в разных статьях, опубликованных на русском языке.

Сканлан, насколько мне известно, не пытался методологически отделять историю философии от интеллектуальной истории, но тем не менее посвятил почти всю жизнь изучению философии в одной стране, стараясь соединять объективность с доброжелательностью. Так случилось, что во время описываемой конференции он уже подготовил к печати сборник статей, приветствующих «возвращение» русской религиозной философии и уход со сцены «марксизма-ленинизма». Сборник этот, посвященный Клайну, открывался переводом статьи Станислава Джимбинова, торжественно провозгласившего в 1992 г. полную победу религиозной русской философии над долголетними попытками полного устранения ее из русской духовной жизни. Сканлан, редактор и один из главных авторов книги, не мог бы согласиться со столь радикальной «переоценкой всех ценностей», но хорошо понимал, что она выражала справедливый протест против идеологического насилия, и потому воздержался от каких-либо критических замечаний. Авторский состав сборника и подбор тем – как русских авторов, так и иностранцев – не включал никаких противников русской религиозной философии – наоборот! «Русская идея» критиковалась Сканланом только в версии Е. Троицкого, которого трудно было бы назвать «религиозным мыслителем».

А на московской конференции подобные имена вовсе не упоминались. Несмотря на это, известный философ Арсений Гулыга в книге «Русская идея и ее творцы» (М., 1995) представил Сканлана и меня как людей, враждебных русскому национальному возрождению. В отношении Сканлана это было большой несправедливостью, а в моем случае просто абсурдом, противоречащим всем надеждам, которые я выражал в эти годы, в том числе в статьях, опубликованных по-русски.

В том же 1995 г. в США появился сборник, подготовленный Сканланом, являющийся, в сущности, первой и единственной антологией текстов русских и западных авторов, симпатизирующих идее возвращения России великого наследия ее религиозного идеализма⁷. Моя статья, озаглавленная «Русские философы Серебряного века как критики марксизма», вписывалась в эту программу, но в то же время (что Сканлан и Клайн с удовлетворением

⁶ Валицкий А. По поводу «русской идеи» в русской философии // *Вопр. философии*. 1994. № 1. С. 68–72.

⁷ *Russian Thought After Communism. The Rediscovery of a Philosophical Heritage*. N. Y.; L., 1994.

отметили) молчаливо дистанцировалась от взглядов Джимбинова, некритически говорившего, что нерелигиозные «прогрессивные» мыслители дореволюционной России были такими же примитивными, как представляли их советские идеологи.

Получив сканлановский сборник, я сразу прочел его от начала до конца и на следующей конференции AAASS поделился с редактором важным общим замечанием. На мой взгляд, читатель книги должен был найти в ней хотя бы беглое указание на то, что «возвращение русской религиозной философии» было только частью более широкой задачи, состоявшей в искоренении глубокой фальши в представлениях обо всей русской философии – как религиозной, так и нерелигиозной, – навязываемых многолетней индоктринацией тоталитарного государства. Словом, следовало указать необходимость «возврата» не только религиозных философов, но и так называемых революционных демократов, немилосердно убиваемых втискиванием их мысли в постылые казенные формулы. Тем более, что Соловьев ценил эстетику Чернышевского, Булгаков испытал глубокое влияние «душевной драмы Герцена», а Бердяев посвятил Белинскому, Герцену и Чернышевскому (не говоря уже о народниках и анархистах) много внимания в своей классической книге «Русская идея».

Сканлан, конечно, согласился со мной, но трезво добавил, что в первой половине 90-х гг., в период нестабильности нового строя, защита исторической справедливости на всех фронтах была бы гласом вопиющего в пустыне. Теперь, однако, появились симптомы изменений к лучшему.

Моя последняя встреча со Сканланом (о чем уже упоминалось) имела место на январской конференции, организованной университетом Нотр Дам в связи с моим отъездом в Польшу. Трогательным эпизодом этой встречи была импровизированная речь моего давнего друга Аббота Глисона (любимого ученика Джеймса Биллингтона), в которой он вспоминал время нашей молодости, когда (по его мнению) часть молодых специалистов по истории России из отдаленных стран, таких как США и Польша, живо чувствовала объединяющую их неформальную связь, вырастающую из общего им всем чувства симпатии и благожелательности по отношению к предмету своих исследований. Сканлан и Клайн с радостью подтвердили существование такого чувства связи и часто вспоминали в этом контексте свое многолетнее знакомство со мной.

Недавнюю смерть Джеймса Сканлана я принял с большой грустью, а также с чувством ностальгии по связанному с его именем периоду расцвета философской русистики в моем втором отечестве. Помню его как доброго человека, удивительно преданного своему делу, работавшего с истинно американской эффективностью, всегда готового помогать другим и не ожидающего много для себя. Для людей, знавших его, уход Сканлана надолго останется большой потерей.

Жизнь и труды Джеймса Сканлана

Джеймс П. Сканлан, доктор философии, почетный профессор Университета штата Огайо, выдающийся специалист в области истории русской философии и советского марксизма, скончался 28 октября 2016 года. Он получил известность благодаря своим историко-философским, критическим работам, а также переводам трудов русских философов на английский язык. Наиболее крупные исследования Сканлана были посвящены философским взглядам Достоевского и Толстого. Сканлан – автор более ста семидесяти публикаций на русском и английском языках, включая две монографии, пять отредактированных или совместно отредактированных сборников и антологий, две переведенные книги с комментариями и вступительными статьями, более восьмидесяти научных статей и глав, сорок две энциклопедические статьи и несколько редакторских введений и других работ. Сканлан выступал более ста семидесяти пяти раз с научными докладами в период между 1956 и 2012 гг. в одиннадцати странах, включая Россию и СССР. Он воспитал несколько поколений экспертов в области русской философии в США, его труды стали основой для американских исследований русской философской мысли; на этом поприще он сыграл неоценимую роль вместе со своим коллегой и наставником Джорджем Л. Клайном (1921–2014), известным, в частности, своими переводами работ Иосифа Бродского.

Однако карьера Сканлана началась не с изучения российской философии. Он получил кандидатскую степень в Университете Чикаго в 1956 г., где учился у Рудольфа Карнапа и Алана Гевирта. До того как получить степень, он два года занимался исследовательской работой в Институте философских исследований в Сан-Франциско под руководством Мортимера Адлера над первым из двух томов фундаментальной работы «Идея свободы». Тема свободы явно представлена в трудах Сканлана. После того как он получил степень, его приняли на работу в Гоучер Колледж (Балтимор, Мэриленд), и его ранние публикации относились к области политической философии. Именно в Гоучере у него появился интерес к русской философии. Он изучал русский язык в Университете Джорджтауна (г. Вашингтон), потом провел год, участвуя в программе Русских исследований в Беркли (Калифорния), затем работал приглашенным профессором на Философском факультете в Московском государственном университете в 1964–1965 гг. Он много раз возвращался в Россию, включая два семестра в 1969 и 1974 гг. на Философском факультете МГУ и весенний семестр в 1978 г. в Институте философии.

Одним из ранних научных достижений Сканлана в этой области была работа над трехтомной антологией «Русская философия»⁸ (1965), которую он проделал в сотрудничестве с Джеймсом Эди, Мари-Барбарой Зелдин и Джорджем Клайном. Для этой книги Сканлан переводил труды Виссариона Белинского, Дмитрия Писарева, Петра Лаврова, Николая Михайловского и Льва Толстого, он также написал введения к нескольким работам русских авторов (всего в данном издании было представлено двадцать семь авторов). Эти книги переиздавали несколько раз, и они стали базовыми учебниками для бакалаврских и магистерских программ по русской философии, делая доступными многие тексты, которые раньше не были изданы на английском языке.

⁸ Russian Philosophy: in 3 Vols. N. Y., 1965.

Следующие несколько лет Сканлан в основном занимался переводами и редакторской работой. В 1967 г. он опубликовал перевод «Исторических писем» Лаврова, включая 60-страничное введение. В эти годы он вел работу с архивными источниками для перевода книги Михаила Гершензона «История Молодой России» на английский язык (Ирвин, Калифорния: Чарлс Шлак мл.), которая была полностью опубликована в 1986 г., – за этот труд Сканлан был награжден Национальным центром перевода. Как и «Русская философия», эти книги представляют собой изысканное сочетание тщательно снабженного комментариями перевода с научными биографиями значимых мыслителей. В 1974 г. Сканлан вместе с Ричардом Т. Де Джорджем редактировал книгу со статьями, посвященными теме «Марксизм и религия в Восточной Европе».

В конце 1960-х Сканлан начал заниматься научной критикой и сосредоточился на истории русской и советской философии. Его статьи между 1967 и ранними 1980 гг. были посвящены исследованиям философии Николая Чернышевского, марксистско-ленинской эстетике и советскому политическому мышлению (в особенности диалектическому материализму и марксистской идеологии). В 1985 г. он опубликовал свою первую монографию «Марксизм в СССР: критический обзор современного советского мышления». Эта книга содержала всесторонний и глубоко научный обзор реалий марксизма в СССР за период в несколько десятилетий, прошедших после смерти Сталина. Книга не была очередной западной критикой марксизма-ленинизма. Наоборот, Сканлан полагал, что, несмотря на серьезную слабость концепции советского марксизма как философской системы, условия советского периода позволяли многим философам начать серьезные и интересные исследования. Этот тезис бросил вызов общепринятой на Западе точке зрения, поддерживающей идею о том, что марксизм в силу своего догматизма ограничивает дальнейшее философское развитие. Для того времени, когда к советской философии относились как к идеологии, работа Сканлана, анализирующая советский марксизм, была очень острой.

Выступая в 1993 г. в Институте философии РАН с докладом «Нужна ли России русская философия?», Сканлан подверг сомнению неоспоримые идеи о русской философии. Он требовал от философов, пишущих о русской философии, отказа от тезиса о «национальной уникальности» и присоединения к диалогу с иностранными философами. Он продолжал настаивать на том, что нужно уделять большее внимание тем выдающимся русским мыслителям, чьи идеи были подавлены или искажены в советскую эпоху (в особенности – неолейбницианам и философам права конца XIX–XX вв.). В 1993 г. доклад Сканлана был опубликован в журнале «Вопросы философии»⁹ и вызвал дискуссию, которая долго продолжалась в российской и американской академической среде. В этот период под его редакцией была опубликована книга «Русское мышление после коммунизма: восстановление философского наследия»¹⁰ – это был фештсифт в честь Джорджа Клайна. Сканлан продолжил концентрировать свое внимание на насущных теоретических вопросах в главе «Интерпретации и использование славянофильства в недавнем русском мышлении». На работу Сканлана о постсоветской русской философии, а особенно на его незабываемый доклад в Москве в 1993 г. до сих пор ссылаются современные ученые.

⁹ Сканлан Дж. Нужна ли России русская философия? // *Вопр. философии*. 1994. № 1. С. 61–65.

¹⁰ Russian Thought After Communism. The Rediscovery of a Philosophical Heritage. N. Y.; L., 1994.

Как только дискуссия о распаде Советского Союза утихла в англоязычной академической сфере, Сканлан сосредоточился на исследовании произведений русских мыслителей XIX в., особенно Толстого и Достоевского. В 2002 г. он опубликовал книгу «Достоевский как мыслитель»¹¹ – первую полную работу о философской мысли Достоевского на английском языке. Он показал, что философия Достоевского была в большей степени систематизирована, чем об этом думали прежде, в то же время он обозначил слабые стороны в философском подходе Достоевского. Монография была переведена на русский язык в 2006 и была опубликована издательством «Академический проект».

С середины 2000-х и до конца своей жизни Сканлан занимался монографией, посвященной Толстому как философу. До этого он уже опубликовал значительное число работ, исследующих философские взгляды Толстого, включая статью «Толстой как аналитический мыслитель: его философская защита ненасилия»¹², в которой он сделал вывод, что поздние работы Толстого «показывают, что писатель смог увидеть соответствующие концептуальные различия, понять обозначенные возражения против его позиций и рационально ответить на них», даже если «миссионерское рвение привело его к преувеличению абсолютности моральной идеи»¹³.

Невозможно в рамках этой краткой статьи исчерпывающим образом представить и оценить жизнь и работу такого ученого, как Джим Сканлан, который сформировал дисциплину «русская философия» в Соединенных Штатах. От многих научных работ на английском языке, например, о Толстом, его труды отличаются тем, что в них философия морали писателя рассматривается в более широком этическом контексте. Обращение Сканлана к идеям Достоевского и Толстого не только с позиции литературной критики, но и с точки зрения глубокого философского анализа служит образцом для исследователей, изучающих произведения русских мыслителей.

Многое в изучении русской философии в Соединенных Штатах изменилось с 1960-х, когда Сканлан готовил переводы для трехтомника «Русская философия». В этой области больше не найдется философов, чей путь пролегал бы от философии к изучению России, но, наоборот, появляется все больше русистов и славистов, которые затем приходят к философии. Эта дисциплина не пользуется сейчас такой же популярностью, как во время своего расцвета в период холодной войны. Однако область русской философии сегодня продолжает развиваться, и это в значительной степени – заслуга Джима Сканлана, чьи сочинения, переводы, издания и богатое научное знание указали путь для поколений ученых, занимающихся российской философией уже после него.

¹¹ *Scanlan J.P. Dostoevsky the Thinker. Ithaca; L., 2002.*

¹² *Scanlan J.P. Tolstoy as Analytic Thinker: His Philosophical Defense of Nonviolence // Studies in East European Thought. 2011. Vol. 63. No. 1. P. 7–14.*

¹³ *Ibid. P. 7.*

Джеймс Сканлан как историк русской философии

Джеймс Сканлан оставил след не только в моей памяти, но и в памяти разноликого сообщества историков русской философской мысли. Это сообщество полидисциплинарное, объединяющее славистов, философов, историков идей, филологов и других гуманитариев, весьма далеких по своим исследовательским мотивациям друг от друга. Тем не менее такое сообщество объективно существует как некое трансграничное «русско-европейско-американское» интеллектуальное образование, а с недавнего времени и азиатское, поскольку соответствующие специалисты ныне имеются в Китае, Японии, Индии. Внутри этого сообщества не так много настоящих профессионалов, сделавших изучение истории русской мысли жизненным делом, экспертов, чьи труды получили международное признание. Среди этих знатоков – Джеймс Патрик Сканлан, ученый и человек, память о котором достойна сохранения.

То, что русская философия интересует не только самих русских, но и многих иностранцев, я понял еще в аспирантские годы, когда почти все свободное время проводил в «спецхранах» Ленинки и ИНИОНа. Только там по специальному допуску можно было читать работы западных и эмигрантских авторов – «современных фальсификаторов истории русской философии» (название советской пропагандистской монографии) – советологов, кремлинологов, «белогвардейцев», монархистов, ревизионистов и проч. Понятно, почему я с таким интересом воспринял первую встречу с Джеймсом Патриком Сканланом на кафедре истории философии народов СССР в 1969 г. (так она называлась тогда). Американский советолог оказался приветливым и доброжелательным интеллигентом, худощавым, довольно высокого роста, слегка сутуловатым, хорошо говорившим по-русски с небольшим акцентом. Я был представлен Сканлану после его лекции, посвященной философии П.Л. Лаврова, профессором И.Я. Щипановым, тогдашним бессменным заведующим кафедрой, который поощрял мои занятия западной историографией русской мысли. Тема лекции была не случайна, поскольку ранее, в 1967 г., Сканлан осуществил полный английский перевод всех семнадцати «Исторических писем» Петра Лавровича Лаврова с большим пятидесятистраничным предисловием переводчика. Позже я перевез в Москву через океан эту книгу с дарственной надписью Сканлана, датированной: «3 апреля 1981. Колумбус, Огайо»¹⁴. (Этот высококвалифицированный перевод «Исторических писем» был удостоен специальной премии американской ассоциации литературных переводчиков.) В этой книге отразились главные черты профессионального подхода Сканлана к описанию истории русской мысли: во-первых, максимальное привлечение всех источников для раскрытия темы и, во-вторых, акцент на индивидуальное своеобразие интеллектуальной биографии исследуемого мыслителя (в отличие от принятого в советской традиции подхода, акцентировавшего социально-классовую детерминированность философских идей). Будучи знаком с работами русских дореволюционных и эмигрантских авторов по истории русской мысли, я воспринял стиль Сканлана как

¹⁴ *Lavrov P. Historical Letters / Trans. with an Introduction and Notes by J.P. Scanlan. Berkely; Los Angeles, 1967.*

продолжение именно такого личностно-ориентированного историографического подхода, который С.Н. Трубецкой называл воссозданием «живой истории философии».

Советологов я видел «живьем» и до встречи со Сканланом, ибо на кафедре в годы моей учебы в аспирантуре (1965–1970) их перебивало много. Это было *prime time* для философской советологии. Практически ежегодно философский факультет МГУ посещали иностранные стажеры в области *Russian studies*, большей частью из США, один был даже из Австралии. Сканлан выделялся среди них свободным знанием русского языка, высокой общефилософской квалификацией, прекрасным знанием первоисточников (он был философом по образованию, в отличие от славистов, составлявших большинство специализировавшихся в области “*Russian studies*”). Его русский язык был с оттенком некоторой «старорежимности», например он говорил мне, что его учительница русского в Америке была из «бывших» и учила его так: «Говорите “огромный”, но никогда не говорите “громадный”. Это слово придумали большевики». Я нашел со Сканланом, что называется, «общий язык», потому что в поле моих научных интересов тогда была народническая философия. Как известно, изучение народничества было фактически запрещено Сталиным после опубликования «Краткого курса истории ВКП(б)» (1937) и возобновилось в СССР лишь в 60–70-е годы, но, к сожалению, было оттеснено затем на периферию ввиду ставшего приоритетным интереса к религиозной философии. Взгляд Сканлана существенно отличался от тогдашней советской трактовки, делавшей акцент в изучении народничества главным образом на поиски «правильной революционной теории». Сканлан смотрел на народничество совершенно иначе, он считал, что именно народники оказали решающее влияние на формирование интеллигентской ментальности, а формальной их заслугой было то, что они одними из первых, и Лавров среди них, поняли, что вся социальная теория должна строиться на примате человеческой личности (в отличие от Маркса и формационной марксистской теории).

Сканлан, как и его старший друг Джордж Клайн, считал, что русский философский радикализм и материализм XIX в. имеют первостепенную важность для западной науки, если она хочет понять генезис большевизма. Собственно говоря, эта мысль принадлежала Николаю Бердяеву, считавшему, что XIX в. в России был «веком Чернышевского», тогда как XX в. суждено было стать «веком Владимира Соловьева». В состав русской идеи, по Бердяеву, входит не только наследие Владимира Соловьева и русского религиозного идеализма, но и русское народничество, нигилизм и анархизм. Надо сказать, что последние поколения русских студентов и аспирантов, воспитанные уже в духе неприятия марксизма, с трудом понимают былой менталитет русской интеллигенции и зачастую не могут взять в толк, чем мог привлечь марксизм молодых Бердяева, Франка, Булгакова, которых они изучают прежде всего как религиозных мыслителей. Однако Клайн и Сканлан хорошо усвоили вышеупомянутую бердяевскую мысль. Отсюда – публикация первой в своем роде трехтомной англоязычной антологии по истории русской философии, где Сканлану принадлежат переводы сочинений В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Л.Н. Толстого¹⁵. Сканлан совместно с Клайном опубликовали также около тридцати статей по истории русской философии для восьмитомной философской энциклопедии, преимущественно на темы, связанные с мировоззрением интеллигенции¹⁶.

¹⁵ *Russian Philosophy*: in 3 Vols. Knoxville, 1976 (Previous eds.: Chicago, 1965, 1969).

¹⁶ *Encyclopedia of Philosophy*: in 8 Vols. N. Y.; L., 1968.

Статьи Сканлана выделялись своей историографической достоверностью. Например, для доказательства того, что «Чернышевский, несомненно, был философским материалистом»¹⁷, в своей статье «Николай Чернышевский и философский материализм в России» он проанализировал студенческие дневники Чернышевского, его основные философские сочинения, такие как «Эстетические отношения искусства к действительности», «Очерки гоголевского периода русской литературы», «Антропологический принцип в философии», «Июльская монархия», «Критика философских предубеждений против общинного владения», «Предисловие и заметки к книге “Энергия в природе” Карпентера», а также философские письма сыновьям Чернышевского из Сибири, редко упоминавшиеся и в советских работах. Не хватало лишь семинарских сочинений Чернышевского, но они не имели отношения к теме. Сканлан представил в одной работе наиболее широкий охват первоисточников – философских сочинений Чернышевского, когда-либо осуществлявшийся в западной литературе. Что же касается интеллектуальной биографии Лаврова, то Сканлан для ее реконструкции применил своеобразный психолого-социологический подход, стремясь возможно более полно представить мировоззрение русского мыслителя, опираясь на все доступные ему источники, включая воспоминания Н.С. Русанова, Н.К. Фирсова, М.А. Антоновича, Г.А. Лопатина, Л.Ф. Пантелева, М.П. Негрескул, дневники Е.А. Штакеншнейдер и, наконец, донесения агентов Третьего Отделения.

Очевидно, что Сканлан имел выраженную склонность к историографическим и источниковедческим методам освоения истории русской мысли, включая составление аннотированных библиографий, посвященных отдельным персоналиям. В этом отношении едва ли не образцовой представляется его статья «Джон Стюарт Милль в России: Библиография», содержащая подробные библиографические описания пятидесяти семи источников, посвященных Дж. Ст. Миллю на русском языке в различных изданиях, в том числе в «Журнале Министерства Народного Просвещения», «Отечественных записках», «Современнике» и др., а также анализ русских переводов сочинений Милля и монографий о нем¹⁸. Не менее репрезентативными были выпущенные под редакцией Сканлана ежегодники, посвященные «Американской библиографии славянских и восточно-европейских исследований за 1970, 1971 и 1972 гг.»¹⁹.

Более близкое знакомство со Сканланом продолжилось во время моего пребывания в США, в университете штата Огайо, г. Колумбус, куда я прибыл в марте 1981 г. на стажировку по линии договора о сотрудничестве между МГУ имени М.В. Ломоносова и MUCIA (Консорциумом университетов Среднего Запада США по международному сотрудничеству). Хотя в программе моей стажировки не числилось чтение лекций, тем не менее, по предложению Сканлана, который был моим научным консультантом, я согласился прочитать небольшой курс по истории русской философии для студентов философского факультета и для тех, кто учился в местном «Центре славянских и восточно-европейских исследований». Привлеченные университетскими объявлениями “Get the Soviet View of Russian Philosophy” («Получите советский взгляд на русскую философию»), ко мне на лекции приходили студенты

¹⁷ Scanlan J.P. Nicholas Chernysevsky and Philosophical Materialism in Russia // Journal of the History of Philosophy. 1970. Vol. VIII. No. 1. P. 67.

¹⁸ Scanlan J.P. John Stuart Mill in Russia: A Bibliography // The Mill News Letter. 1968. Vol. IV. No. 1. P. 2–11.

¹⁹ The American Bibliography of Slavic and East European Studies for 1970, 1971 and 1972 / Ed. by James P. Scanlan. Columbus, 1974.

из разных подразделений университета штата Огайо. Курс состоял из пяти двухчасовых лекций-дискуссий, читавшихся раз в неделю, и был равен трем кредитам. Переводы русских текстов я давал студентам по трехтомной антологии «Русская философия». Однако поначалу рекомендовать студентам какой-либо адекватный учебник по читаемому курсу на английском языке я не мог, поскольку таковых в то время не существовало. Работа Фредерика Коплстона «Философия в России. От Герцена до Бердяева и Ленина» вышла позже, в 1986 г. Правда, имелся английский перевод двухтомника «История русской философии» В.В. Зеньковского, осуществленный Джорджем Клайном в 1953 г., а также одноименная книга Н.О. Лосского, вышедшая еще в 1951 году, но для начинающих американских студентов эти работы были слишком сложными. Поэтому на первых порах американским студентам я мог предложить для ознакомления с русской мыслью не очень подходящую в качестве учебного пособия книгу Джеймса Биллингтона «Икона и топор. Интерпретированная история русской культуры»²⁰.

Вскоре, однако, по рекомендации Сканлана я нашел в университетской библиотеке изданную в Стэнфордском университете монографию автора с польским именем Анджей Валицкий. Называлась она «История русской мысли от Просвещения до марксизма». Мне сразу понравилась эта большая монография, написанная со знанием дела и без излишних авторских «выкрутасов», что и нужно для руководства по изучению истории философской мысли. Таким образом, англоязычную источниковую основу курса составляла трехтомная клайновско-сканлановская антология и книга Анджея Валицкого, которого я «открыл» для себя в Колумбусе. С выдающимся польским ученым, встречавшимся, в свою очередь, и со Сканланом, я познакомился позже в Москве и продолжаю с ним сотрудничать и по сей день. В Колумбусе я пользовался определенными правами как лектор и «член факультета», в моем распоряжении, по инициативе Сканлана, были две ассистентки, одна из которых, уроженка Бруклина Тамар Рудавски начинала учить русский язык и постоянно со мной общалась. То же можно сказать и о «полных профессорах», среди которых я не встретил русофобов, хотя антикоммунистами были практически все. Местный советологический центр, очевидно, благодаря лидерству Сканлана, был ориентирован на науку, а не на пропаганду. Я регулярно встречался с профессором Сканланом, посещал его лекции (он в том весеннем семестре читал курс «Философия марксизма»). На следующий семестр Сканлан подготовил курс «Экзистенциализм», программу которого он мне дал для ознакомления.

Курс основывался на анализе философского наследия «пяти мыслителей-экзистенциалистов»: Сёрена Кьеркегора, Александра Герцена, Федора Достоевского, Льва Шестова и Симоны де Бовуар. Далее привожу перевод части текста программы: «Руководствуясь различными мировоззренческими, национальными и историческими установками, все эти пять мыслителей были нацелены на центральную экзистенциальную тему – раскрытие роли и природы человеческого выбора в познании или создании моральных ценностей. Курс нацелен на раскрытие внутреннего содержания их философского мышления с особым акцентом на проблематику свободы и морали». Уже из этой краткой аннотации видно, что общий подход Сканлана к освещению русской мысли характеризовался не противопоставлением, а сравнением философии России и Запада. Я нередко бывал в собственном доме Сканлана в престижном районе Колумбуса – German Village, 113 East Beck Street, где нас приветливо прини-

²⁰ Billington J.H. The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture. N. Y., 1966.

мала его жена – Мэрилин, которая вела домашнее хозяйство. (Детей у Сканлана не было.) Внутреннее убранство кабинета Сканлана было декорировано русскими пейзажными акварелями и, помнится, карандашным портретом Льва Толстого неизвестного художника. Мы быстро упростили общение – «Джим – Миша», я получал от Сканлана любую помощь по части установления научных контактов и накопил много материалов по теме «Русская философия за рубежом». По рекомендации Сканлана я познакомился с Джорджем Клайном, знаменитым переводчиком «Истории русской философии» В.В. Зеньковского, и установил контакты в Стэнфорде и Колумбийском университете. Стажировка предполагала поездку в Стэнфордский университет для работы в библиотеке и архиве Гуверовского института Войны, Революции и Мира. Но дозволена для моего посещения была только богатая библиотека в Гуверовской Башне, а в архивы я не был допущен, хотя пытался попасть за соответствующим разрешением на прием к главному архивисту, экс-коммунисту Милораду Драчковичу, но так и не был принят. Тем не менее Сканлан компенсировал этот пробел, предоставив мне фотокопию довольно большой, около 1,5 а.л., неопубликованной рукописи П.Л. Лаврова «История и русские революционеры», датированной 31 июля 1889 г., взятой им самим из того же источника. Разумеется, он вовсе не обязан был делиться со мной архивными материалами, с его стороны это было дружественным актом.

Поездка в Нью-Йорк была более продуктивной, мне удалось поработать в Русском (Бахметьевском) архиве, переданном в Колумбийский университет после смерти Бориса Александровича Бахметьева, последнего российского посла в США. Интересно заметить, что в каталоге я встретил описания неопубликованных писем В.И. Ленина разного времени (август 1909; январь 1911; июль-август 1914; февраль 1918; март 1918 и др.). По прибытии в Москву я написал заявление об этих письмах в сектор произведений В.И. Ленина Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, но никакого ответа, к моему удивлению, не получил. По окончании стажировки я по рекомендации Н.Е. Покровского написал для журнала «Коммунист» статью, посвященную американской философской советологии, где высказал мысль о необходимости дифференцированного отношения к специалистам по *Russian studies*, поскольку наряду с примитивными русофобами среди них есть и такие квалифицированные ученые, как Сканлан, с которыми необходимо вести диалог. Однако статья не была опубликована благодаря позиции сторонника «жесткой линии» главного редактора журнала Р.И. Косолапова, не разбиравшегося ни в русской философии, ни в советологии.

Перебирая бумаги, данные мне Сканланом, я нашел машинописный лист за его подписью, датированный 14 февраля 1973 г., который являлся, очевидно, тестовым заданием для студентов-философов. Текст имеет заголовок «Оценка интеллектуальной (или “логической”) структуры философской позиции в истории философии». Эти методические указания хотя и не имеют самостоятельной научной ценности, тем не менее, будучи ориентированными на образовательный процесс, дают представление о том, какими общими принципами руководствовался в своем преподавании профессор Сканлан. Текст разделен на две части. В первой части содержатся «вопросы, имеющие прямое и непосредственное отношение к оценке философской позиции». Здесь содержатся следующие вопросы:

1. В чем именно заключается данная позиция? Что она утверждает? Сформулируйте ее ясно и точно. (Это включает уточнение ее содержания в терминах, в которых эта позиция выражена.)

2. Если данная позиция включает ряд положений, как эти положения логически связаны между собой?
3. Существуют ли неявные предположения, на которых данная позиция основывается логически (не психологически)?
4. Каковы логические следствия, вытекающие из данной позиции? Если Вы разделяете эту позицию, что еще в ее логическое развитие Вы могли бы добавить?
5. Каковы аргументы автора в защиту данной позиции? Соответствуют ли эти аргументы его выводам? Каковы они? В каком направлении они могут быть подвергнуты критике?
6. Существуют ли иные аргументы, не сформулированные автором, которые могли бы логически поддержать его выводы? Каковы они?
7. Какие аргументы могут быть представлены против данной позиции? Как бы Вы отнеслись к критике такого рода позиции?

Вторая часть вопросника содержит следующие вопросы «второстепенного» характера, тем не менее имеющие отношение к оценке тех или иных философских позиций:

1. Где данный автор «получил» свои идеи? Кто «влиятелен» на него?
2. Какие психологические (или иные) объяснения могут быть даны для обоснования авторской позиции? Какой личностью он был?
3. Какие исторические последствия имела позиция данного автора?
4. Является ли позиция автора истинной? (Это может быть определено только после того, как интеллектуальная структура данной позиции будет тщательно изучена.)
5. Согласуется ли позиция автора с моей позицией?

Очевидно, вопросник Сканлана указывал на использование им логико-аналитического подхода в преподавании истории философии, где нет специального указания на какое-либо национальное своеобразие того или иного философского построения, однако это не означает, что Сканлан отрицал существование русской философии как таковой. В моем домашнем архиве есть работа Сканлана, которая представляет собой текст доклада, прочитанного им в 1976 году на Восьмой конференции Американской ассоциации содействия славянским исследованиям, где в полной мере признается факт бытия своеобразной русской философии. Текст имеет название «Что русского в русской философии?». Для того чтобы «заставить замолчать скептика», отрицающего сам факт существования русской философии, писал Сканлан, достаточно указать на «Философические письма» П.Я. Чаадаева или на цикл статей «Теоретическая философия» В.С. Соловьева. Если бы эти работы были обнаружены как неопубликованные и неподписанные в каком-то воображаемом английском переводе, могли бы мы сказать, что они принадлежат перу русских мыслителей? Едва ли. То же самое можно сказать, например, и о философских работах П.Л. Лаврова, которые ничем особым не отличаются от произведений английских или французских мыслителей.

И далее, признавая несомненный факт существования русской философии, Сканлан задается вопросом: «Что русского в русской философии?». Отвечая на этот вопрос, он последовательно критикует ряд «некритических и неопределенных критериев», к которым зачастую прибегают для ответа на поставленный вопрос. Среди них такие штампы, как «русская философия – это философия, происходящая из России» или «написанная русскими и на русском языке». Эти штампы не соответствуют действительности, т. к.

русская философия создавалась отнюдь не только этническими русскими, не только в России и не только на русском языке. Далее, он ставит вопрос о национально своеобразной терминологии, которая часто приводится как доказательство существования оригинальной русской философской мысли. В этой связи он замечает, что слово «правда», которое часто приводится в качестве примера особой национально-русской философской терминологии, в действительности не является каким-то специфически русским понятием. Рассуждая и на чисто семантическом уровне, можно сказать, что и в других европейских языках содержатся такие же слова, которые соединяют в себе понятия теоретической и практической истинности, аналогично русскому – правда-истина и правда-справедливость (например, немецкое слово “Recht” или английские слова “Right” и “Law”). Таким образом, русский язык не содержит каких-либо семантических средств для выделения этих двух элементов: понятия «истина» и «справедливость» так же различаются в русском, как и в других европейских языках. Маловероятно, заключал Сканлан, что семантические или лингвистические соображения сами по себе могли бы много дать в определении сущности сочетания понятий в русской философской культуре. Отсюда следует, что настаивание на какой-то «непохожести» специфически русской философской мысли является неверным путем для ее исследования. Абстрактные суждения дедуктивного типа, утверждающие некую «самобытность» русской философии, несостоятельны. Вопрос о своеобразии философских построений решается конкретным образом. Если обнаруживается, что в работах русских философов определенные проблемы присутствуют более часто, решаются более плодотворно или более самостоятельно, чем в иных национальных философиях, мы определенно будем иметь право представлять присутствие таких принципов у данного философа как специфически русское явление и рассматривать доминантное положение их внутри данной традиции как отличительную черту русской философии. Такие примеры могут быть найдены, считал Сканлан, в философских произведениях П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского. Их своеобразие выявляется не вопреки, а благодаря тесной связи с философией Канта, Гегеля, Конта, Милля, Спенсера, Прудона. В сущности, Сканлан констатировал то, что В.В. Зеньковский ранее назвал «нравственной напряженностью» русской философии, выраженной в тенденции сглаживать различия между нормативными и дескриптивными интересами, между идеалом и реальностью, между фактом и ценностью.

Мое сотрудничество со Сканланом продолжалось и в 90-е годы, и в начале нынешнего столетия. Сканлан был автором статей о П.Л. Лаврове и Д.С. Мережковском в словаре «Русская философия» под моей общей редакцией. К ним добавилось его участие в расширенном издании словаря – энциклопедии «Русская философия», где Сканлан написал статью о Д.Ю. Квитко (авторе первой советской монографии, посвященной философии Л.Н. Толстого), основанную в том числе на анализе эмигрантского периода творчества этого философа, защитившего в Колумбийском университете докторскую диссертацию, посвященную философии Толстого²¹. Квитко в качестве участника «революционного движения» эмигрировал в США в 1913 г., получил там высшее образование и в 1927 г. вернулся в СССР. Квитко нельзя назвать крупным исследователем философии Толстого, интерес, скорее, представ-

²¹ Сканлен Дж.П. Лавров Петр Лаврович // Русская философия. Словарь. М., 1995. С. 252–253; он же. Мережковский Дмитрий Сергеевич // Там же. С. 294–296; он же. Квитко Давид Юрьевич // Русская философия. Энциклопедия. М., 2014. С. 273–274.

ляет сравнение его американской диссертации и советской монографии, где «Карл Маркс заменил Уильяма Джеймса в качестве главного авторитета»²². Джим Сканлан сразу согласился участвовать в качестве автора в коллективной юбилейной монографии, посвященной 70-летию создания кафедры истории русской философии, где он бывал и выступал неоднократно. Это был последний пример нашего плодотворного сотрудничества. «Толстовская» тема статьи Джима не случайна, последние годы его жизни были посвящены исследованию философии Льва Толстого, и в свойственном ему духе он стремился охватить все источники, относящиеся к теме своего исследования.

Весьма символично то, что в этом же кафедральном сборнике научных работ опубликована статья старшего друга Джеймса Сканлана – Джорджа Клайна²³, также с энтузиазмом откликнувшегося на мое предложение поучаствовать в данном издании. Их уже нет с нами, но их вклад в философское русскоеведение в России не забыт. Об этом свидетельствуют статьи о Клайне и Сканлане, опубликованные во втором издании энциклопедии «Русская философия», вышедшей под моей общей редакцией в 2014 году.

В.А. Кувакин

Интеллектуальные встречи с Дж. Сканланом

Мое первое знакомство с американской философской славистикой относится к годам аспирантуры, т. е. концу 60-х – началу 70-х гг. В это время я завершал свою диссертацию о Н.А. Бердяеве и готовил на ее основе монографию. Мне, надо сказать, невероятно повезло, хотя писать о религиозных философах в то время было скорее опасно, чем запрещено. Но судьба мне благоволила. Книга «Критика экзистенциализма Бердяева» вышла в свет в 1976 г. в Издательстве МГУ. В ней я впервые обратился к работам Дж. Сканлана, отметив, что «... западное сознание видит в наследии русской религиозно-идеалистической философии нечто родственное», подтвердив эту мысль цитатой из третьего тома антологии: «... как западный экзистенциализм, так и русская религиозная философия получили взаимную пользу от общения»²⁴.

Несмотря на избыточную идеологизацию философских исследований в СССР: сильный акцент на материалистическую традицию, доминирование марксизма и недооценка многих направлений в интеллектуальной истории России, – мне посчастливилось после завершения аспирантуры философского факультета МГУ продолжить изучение русской религиозной мысли. Более того, в 1973–1974 гг. я в рамках межгосударственных научных обменов (программа IREX) работал в США (Бостон Колледж, научный консультант Томас Блейкли) и имел доступ к обширной англоязычной историографии философии в России, в том числе и к работам Г. Клайна, Дж. Биллингтона,

²² *Сканлан Дж.П.* Марксистские исследования Д.Ю. Квитко о философии Льва Толстого // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. Сборник научных статей, посвященный 70-летию кафедры истории русской философии. М., 2013. С. 574.

²³ *Клайн Дж.* Восход и закат советского «орфографического атеизма» // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. Сборник научных статей, посвященный 70-летию кафедры истории русской философии. М., 2013. С. 578–593.

²⁴ *Russian Philosophy. Vol. 3. Chicago, 1965. P. 142.*

Дж. Сканлана и др. Результатом моих исследований как в СССР, так и в США стала монография «Религиозная философия в России. Начало XX в.»²⁵. Эта научная стажировка существенно расширила мои знания в области американской историографии русской философии и позволила лучше понимать ее рецепцию на Западе. Кроме того, мне импонировал дух свободного научного исследования американских специалистов, а трехтомник Сканлана стал ориентиром в понимании русской мысли за рубежом.

Мой следующий интеллектуальный контакт случился уже в годы перестройки в СССР и начала новой эпохи в истории России, т. е. на рубеже 80–90-х гг. На кафедре истории русской философии МГУ мы готовили коллективную работу «История русской философии», изданную в США в 1993 г.²⁶.

Крушение «железного занавеса» расширило возможности российских ученых общаться со своими зарубежными коллегами. Это помогало и издавать результаты исследований по обе стороны границы. Я был приглашен издательством Prometheus Books в США для подготовки книги к печати, что оказалось для меня самым интересным и трудным делом в этом проекте. Первый, кто прочитал рукопись в США, был хорошо известный ученый и общественный деятель, профессор Пол Куртц. Он одобрил ее, но сделал одно существенное замечание: это не должна быть всего лишь интерпретация и объяснение истории русской философии, в текст нужно включить первоисточники, хотя бы фрагменты из трудов русских философов, что будет фактуальной и иллюстративной основой исследования. Мое положение как редактора было затруднительным. Имевшийся лимит времени не позволял мне подобрать литературу и наиболее характерные выдержки из работ известных русских философов. И вот тогда я вспомнил об антологии Дж. Сканлана, о чем я и сказал П. Куртцу. Неожиданно оказалось, что он хорошо знаком с ним и что их связывали дружеские отношения. Куртц заверил меня, что каких-либо трудностей в получении разрешения на включение переводов работ русских мыслителей из трехтомника Дж. Сканлана в готовившуюся нами к печати «Историю русской философии» не возникнет. Разрешение было вскоре получено, и это открыло дорогу публикации коллективного труда кафедры истории русской философии в США. Так волею счастливого стечения обстоятельств Дж. Сканлан стал своего рода соавтором нашего двухтомника. Нам удалось включить в английское издание переводы из произведений А.Н. Радищева, П.Я. Чаадаева, А.С. Хомякова, Н.Г. Чернышевского, М.А. Бакунина, Н.К. Михайловского, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева и Н.О. Лосского. Так коллективный труд российских исследователей благодаря антологии, редактором которой был Дж. Сканлан, обрел еще одно измерение, стал информативнее и полезнее для англоязычных читателей.

К сожалению, мои личные контакты с Дж. Сканланом ограничились лишь единственной встречей в Москве. Я был приглашен на нее профессором М.А. Маслиным. Она состоялась в 1981 г. в одном из московских ресторанов. Сканлан был с женой Мэрилин. Они, как я почувствовал, были в отличном настроении и испытывали радость от посещения России. Наш разговор был весьма дружественным, открытым и интересным. Было сложно, конечно, в таком формате обсуждать проблемы истории русской философии, но очевидно было и то, что никаких трудностей во взаимопонимании у нас не было. Мы были настоящими коллегами, исследователями богатой историко-философской традиции.

²⁵ Кувакин В.А. Религиозная философия в России: Начало XX в.. М., 1980.

²⁶ A History of Russian Philosophy. From the Tenth Through the Twentieth Centuries: in 2 Vols. Buffalo, 1993.

Моя последняя духовная встреча с Дж. Сканланом связана с русским изданием его работы «Достоевский как мыслитель»²⁷. Среди обширного научного наследия американского философа и историка идей в России эта книга выделяется как особенно детальное и основательное исследование мировоззрения одного из крупнейших русских мыслителей. Ф. Достоевский был и остается в первом ряду ключевых фигур русской и мировой культуры. Философский подход к Достоевскому – это самый трудный ракурс реконструкции его творчества. Гораздо легче проводить литературоведческий или исторический анализ, чем философский, поскольку мы встречаемся здесь не со стационарным предметом рассмотрения, а со сложным и динамичным конгломератом идей, интуиций, предположений, пророчеств, сомнений и непреклонных утверждений. Мы сталкиваемся с мощным потоком философских переживаний, сплавленных с эмоциями и художественными образами, творцом которых была подвижная, как ртуть, личность.

Как опытный аналитик, Дж. Сканлан хорошо осознает эту сложность, разным образом зафиксированную в достоевковедении (достаточно вспомнить идею «философских типов» (С. Булгаков) или понятие полифонии (М. Бахтин)). Поэтому он выстраивает такую концепцию, которая бы, с одной стороны, давала всестороннюю, хорошо структурированную и логически стройную картину убеждений Достоевского, с другой – оставляла бы различимыми в них противоречия и «интеллектуальную “неприбранность”»²⁸. В целом нельзя не признать высокую научную ценность работы Дж. Сканлана о Ф. Достоевском. Ее отличает высокий академизм, обширная источниковая база. Ему удалось избежать подгонки мировоззрения русского мыслителя под тот или иной школьный шаблон. Не вдаваясь в оценки интерпретаций автора (было бы авантюрой делать это в рамках моих скромных воспоминаний), можно без сомнения утверждать, что это еще один шаг вперед в понимании такого сложного феномена, как мировоззрение русского мыслителя.

Лично для меня работа Дж. Сканлана «Достоевский как мыслитель» имеет особое значение. Она – одна из ступеней осмысления мною внутреннего мира русского философа. Позволю себе объяснить ситуацию подробнее. Дело в том, что в настоящее время я завершаю многолетнее изучение его идей и убеждений. Практически готовая к публикации книга имеет несколько провокационное название «Гольи изнутри. Неразгаданный Ф. Достоевский».

Благодаря обширной историографии, как отечественной, так и зарубежной, мне не нужно было начинать исследование с нуля. Поэтому, учитывая уже сделанное многими, начиная с Д. Мережковского и Л. Шестова и заканчивая современными учеными, включая и Дж. Сканлана, я предложил исследовательскую гипотезу, которая бы не только удерживала в поле анализа полифонию и противоречия в мировоззрении Достоевского, но и помогала объяснить сложный ландшафт его внутренней вселенной, глубинные *причины*, сделавшие мир этого мыслителя таким многомерным, многозначным и не поддающимся «монистической» концептуализации.

Чтобы решить эту задачу, пришлось особое внимание уделить определяющим, так сказать, метамировоззренческим установкам Достоевского: его антропоцентризму и свободе. Значительное влияние на траекторию убеждений мыслителя оказали те точки бифуркации – прежде всего эшафотный и каторжный опыт, опыт «перерождения убеждений», – которые предельно остро помогли ему осознать вторичность идей, особенно тотальных, по отно-

²⁷ Scanlan J.P. Dostoevsky the Thinker. Ithaca; L., 2002. На русск. яз.: Сканлан Дж. Достоевский как мыслитель. СПб., 2006.

²⁸ Сканлан Дж. Указ. соч. С. 235.

шению к человеку, открыли их потенциальные угрозы для личности. Время создания им великого пятикнижия: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» – это время борьбы за человека как человека, чистого или «голого» изнутри, и одновременно – против соблазна и «власти идей» (Л. Шестов). В этот период им оттачивается еще один «инструмент» борьбы за человека – скептицизм. Достоевский становится изощренным экспериментатором, испытателем всякого рода измов, прежде всего религиозных и социалистических. Он становится скептиком метафизическим и антропоцентрическим, в центре сомнения не истина или ложь, а само человеческое существование, то, что было для Достоевского неисчерпаемой тайной и приоритетной ценностью. После создания узлового для себя шедевра «Записок из подполья» он упорно выстраивает дистанцию свободы между своим Я и собственными либо доминирующими в обществе идеями во имя того, чтобы стать их подлинным субъектом и повелителем. Такого рода способ объяснения убеждений Достоевского не только легко документировать его же собственными признаниями, но и объяснить текстуру мира его идей, его гармонию и дисгармонию, полифонию и какофонию, его противоречия и монизм, коренящийся не в самих идеях, а в глубинных структурах его самосознания и самом Я, так пронзительно и ярко открывшемся ему на эшафоте.

Не хочу, чтобы сказанное о Достоевском как скептике воспринималось как нечто исключительно новое. Его онтологическое, антропологическое и эпистемическое сомнение не выпало из поля зрения исследователей. Я же сказал о своем опыте осмысления Достоевского, чтобы показать непрерывность и преемственность усилий людей, желающих понять и усвоить уникальные опыты жизни и творчества великого русского мыслителя.

Ив Левин

Памяти Джеймса Сканлана

Джим Сканлан был первым из общества славистов, кого я встретила по прибытии в 1983 году в Государственный университет штата Огайо. Он был хорошим другом Аллана Вилдмана, моего ближайшего коллеги. Они оба разделяли интерес к русской философской мысли и интеллектуальной истории. Став редактором журнала «Русского обозрения» (*The Russian Review*), Аллан естественным образом пригласил Джима в редакцию на работу. После смерти Аллана я возглавила отдел, продолжая полагаться в работе на хороший вкус и видение Джима. В 2003 году я вместе с редакцией журнала переехала в университет Канзаса. Личные связи Джима облегчили обустройство на новом месте. Джим оставался в редакционном составе «Русского обозрения» до конца своих дней.

Успех научных журналов зависит от ученых, готовых отдавать свою энергию, уделять время и щедро делиться опытом и знаниями, к тому же без указаний на авторство писать отзывы на еще не опубликованные статьи, – со всем этим Джим успешно справлялся бесчисленное количество раз, работая в «Русском обозрении». Его комментарии к статьям всегда выявляли не только обширные знания и глубокое понимание русской культуры, но он также

умел через свои рекомендации к текстам поддержать ученых, старающихся изо всех сил доступно изложить свои идеи. И хотя его имя никогда не упоминалось в этих публикациях, все они тоже несомненно являются частью его интеллектуального наследия.

Филип Т. Гриер

Джеймс П. Сканлан: личные воспоминания

Мы впервые встретились почти полвека назад (в начале 1969 г.) в Москве, в зоне «В» студенческого общежития МГУ, где мы оба проживали, будучи участниками официальной Программы культурного обмена между СССР и США. Мы – два американских философа – приехали с целью ознакомиться с отдельными аспектами советской марксистско-ленинской философии тех времен и провести исследования по заявленным темам. Его интересовали философские подходы к трактовке проблем эстетики, а меня – этики. Я был американским аспирантом на стажировке в СССР, куда я приехал в августе 1968 г. на весь академический год. Он – на пятнадцать лет старше меня – в то время уже занимал пост профессора философии и Директора Программы славяноведения и советологии в Университете Канзаса в г. Лауренс, куда он незадолго до этого перешел на работу из колледжа Гаучер в г. Балтимор.

Джим Сканлан приехал в Москву со своей женой Мэрилин на весенний семестр в самом его начале. Он ранее уже провел полный академический год (1964–1965) в МГУ, тоже в рамках Программы культурного обмена. И поэтому он был хорошо знаком с повседневной жизнью в Москве, ко всему относился сравнительно спокойно и чувствовал себя уверенно. В свой предыдущий приезд он был первым профессиональным философом, принятым с американской стороны в Программу культурного обмена. Во время своей первой стажировки он познакомился с преподавателями и сотрудниками философского факультета МГУ и порядком, установившимся на факультете, что позволило ему немедленно приступить к исследованиям по интересующим его темам. Я же, будучи сравнительным новичком, проживающим в Москве впервые, к этому времени (к зиме 1969 г.) в основном освоился со студенческой жизнью в Москве и уже в достаточной мере знал порядок работы (по крайней мере, официальный) на кафедрах этики в МГУ и в Институте философии.

Тем не менее моя встреча с американским философом в этих несколько необычных обстоятельствах меня весьма подбодрила, в значительной степени потому, что Джим Сканлан оказался спокойным, общительным, добродушным и всегда готовым прийти на помощь человеку. Его участие в Программе обнадежило меня и профессионально, потому что в те годы американских философов не из иммигрантской среды, проявивших интерес к изучению советской версии марксизма-ленинизма, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Мое выраженное желание подать заявление на участие в Программе культурного обмена с целью проведения исследований теоретических проблем этики было воспринято моими научными руководителями в аспирантуре с искренним удивлением, даже с каким-то беспокойством. (Загадка раскрывалась просто: ранее я познакомился с русской девушкой, ко-

торая позже стала моей женой. В рамках этой Программы обмена, проводя исследования, я собрал значительные материалы, на базе которых я написал и защитил диссертацию, а затем опубликовал книгу по заявленной в проекте теме.) Тот факт, что я мог порой провести вечер с Джимом в зоне «В», обсуждая отдельные, возникшие во время дневных исследований вопросы, – с известным американским ученым, работающим в смежной области, оказалось для меня большим стимулом.

Эта серия бесед, состоявшихся давным-давно в Москве, весной 1969 г., ознаменовала начало нашего коллегиального сотрудничества, продлившегося 47 лет. В течение этих лет мы более или менее постоянно поддерживали контакты, хотя не всегда лицом к лицу, так как наши карьеры разбросали нас по стране. Мы общались в основном по почте и изредка – по телефону. С появлением персональных компьютеров в конце 80-х годов электронные письма с вложениями постепенно заменили переписку по почте. Но в течение всего этого времени мы находили возможность побеседовать наедине во время различных конференций. И в течение всех этих десятилетий не прекращалась переписка между Джимом Сканланом, Джорджем Клайном и мной. Нас связывал тот факт, что, несмотря на то, что у каждого из нас были и другие направления интеллектуальных и творческих интересов и мы, безусловно, занимались не только русской и/или советской философией, каждый из нас так или иначе возвращался к исследованиям в области русской и советской интеллектуальной истории и к публикации результатов этих исследований. Мы делились рабочими версиями наших работ (пересылая друг другу иногда по несколько версий), тщательно изучая полученные замечания и комментарии.

Я не помню, слышал ли я это высказывание непосредственно от Джима, но Джордж Клайн не однажды упоминал, что Джим Сканлан называл нас «тремя мушкетерами», подчеркивая тот факт, что, кроме нас троих, других американских философов, работающих над вопросами русской или советской философии постоянно или периодически в течение своей творческой жизни, в то время не было. (Несомненно, я был младшим членом этой «тройки», так как и Джим, и Джордж были значительно старше меня, как по возрасту, так и по положению, отражавшим их достижения в этой области.)

Когда Джим Сканлан и я встретились в Москве в 1969 г., я уже был хорошо знаком с его работами, так как Джим был одним из главных редакторов великолепной трехтомной антологии, состоявшей из оригинальных переводов на английский язык текстов, отражавших всю историю русской философии: от Сковороды (XVIII в.) до раннего периода советских марксистов²⁹. Каждый переведенный на английский язык текст (и описываемый период) сопровождался подробным введением редакторов. Опубликованная в 1965 г., эта антология сразу же стала основным учебным пособием, используемым практически в каждом курсе обучения в американских ВУЗах и в университетах других англоговорящих стран, в котором затрагивались вопросы русской философии. Эта антология перепечатывается и по сей день, и ни одна из других публикаций в этой области не может сравниться с ней по своему вкладу в общее понимание истории русской философии.

В течение 40-летней преподавательской деятельности (с 1970 г. до выхода на пенсию в 2010 г.) я периодически читал курсы по истории русской философии в трех разных ВУЗах, и в основе каждого курса лекций лежала эта антология. И каждый раз мне хотелось отблагодарить Джима Сканлана

²⁹ Russian Philosophy: in 3 Vols. N. Y., 1965. Пересмотренное издание выпущено в 1969 г.; стереотипное издание выпущено Прессой Университета штата Теннесси в 1976 и 1984 гг.

и других редакторов за их кропотливую работу над скрупулезно выполненными переводами и тщательно составленными введениями, включенными в данные три тома.

Центральным в исследованиях Джима Сканлана в области русской мысли был, конечно, девятнадцатый век. Например, в 1967 г. он опубликовал собственный перевод на английский язык работы П.Л. Лаврова «Исторические письма», а позже перевод работы М.О. Гершензона «История молодой России», опубликованный в журнале “Russian History” в период с 1974 по 1979 гг. и позже, в 1986 г., изданный отдельной книгой. В 90-е годы он опубликовал серию статей, посвященных Достоевскому как философу; эти работы вошли в получившую высокую оценку книгу “Dostoevsky the Thinker”, которая была позже переведена на русский язык³⁰. Закончив работу, посвященную взглядам Достоевского как философа, Сканлан обращается к Толстому с намерением провести параллельные исследования философской мысли Толстого. Он продолжал работать над этой темой до своей смерти.

Помимо этого, Сканлан внес неоценимый вклад в изучение как советской философии, так и философии в постсоветский период. В начале 80-х годов он опубликовал книгу, в которой содержался уникальный обзор всех основных официальных направлений марксистско-ленинской философии, разрабатываемых в то время в СССР. Этот систематический анализ философских исследований в СССР – в рамках материалов, доступных из опубликованных источников, – открывался главой, посвященной современным на тот момент попыткам определить природу философии как таковой в границах марксизма-ленинизма. За ней следовали три главы книги, посвященные теме «диалектический материализм», а за ними – четыре главы – теме «исторический материализм», где рассматривались важнейшие области, подпадающие под каждое из этих всеохватывающих направлений.

Как я отметил в своей рецензии на эту работу, Сканлан «...неотступно следовал его заявленному намерению представить имманентный критический разбор советской философской мысли, при этом четко сохраняя в поле зрения различие между мыслью и догмой, отмечая случаи, когда догма явно определяла границы мысли, но всегда при этом пытаюсь выявить “живую” мысль и проследить множество тонких подходов, с помощью которых она всячески старается избежать или выйти за пределы диктата отмирающей догмы»³¹.

На практике эта попытка увидеть различие между установившимися пределами официальной теории, господствующими в рамках каждой темы, и кругом спорных вопросов, лежащих в основе общепринятого или выходящих за его пределы, выявила неожиданные расхождения между картинками, сложившимися внутри отдельных направлений советской философской школы. Например, исследования Сканлана выявили, что даже основные постулаты «диалектического материализма» до сих пор подвергались широко разнящимся толкованиям в работах различных советских авторов. Но, с другой стороны, его исследования в области «научный коммунизм» не отмечают значительных разногласий, выходящих за пределы предписаний строгой ортодоксальности. В то же время Сканлан отмечал, что в полную противоположность единомыслию авторов трудов по научному коммунизму, в области

³⁰ Scanlan J.P. Dostoevsky the Thinker. Ithaca, 2002. На русск. яз.: Сканлан Дж. Достоевский как мыслитель. СПб., 2006.

³¹ Grier Ph.T. Review: Marxism in the USSR: A Critical Survey of Current Soviet Thought, by James P. Scanlan // Slavic Review. 1986. Vol. 45. No. 2. P. 394–395.

историософии (философии истории) каждый отдельный элемент официального учения ставился под вопрос той или иной группой исследователей или же явно вообще не рассматривался.

Сегодня, мысленно возвращаясь к этому периоду, то есть к 1985 году – году опубликования книги Сканлана – или же к 1986 году, когда была напечатана моя рецензия, – я явственно вижу, что у меня лично не было ни малейшего подозрения в том, что идеологическая система, особенности которой мы столь подробно обсуждали, через короткое время полностью распадется, попав в котел исторических событий мирового значения в 1989–1991 гг. У меня нет никаких сомнений, что ничего подобного не предвидел и Джим Сканлан. Если бы у кого-то из нас были какие-либо серьезные подозрения, что вся выстроенная система советского марксизма-ленинизма может в ближайшем времени рухнуть в ходе истории, то не было бы никакого смысла вкладывать огромный труд в исследования для такой книги.

Неважно, насколько непредвиденными были эти события, – Джим Сканлан прореагировал на них энергично, немедленно приступив не только к описанию быстро протекающих изменений в постсоветской русской философии в серии новых публикаций, предназначенных для англоговорящего читателя, но и принимая личное участие в этих событиях. Я могу рассказать, по крайней мере, об одном достопримечательном случае. Начало 1990-х гг. характеризовалось активным продвижением многими писателями концепции неославянофилов под названием «Русская идея», стремящихся связать судьбу русской философии в будущем с ростом своеобразного русского национального самосознания. Данное толкование целей и задач русской философии предусматривало, что она выступит как выразитель уникальности русской национальной культуры и ее *исключительного характера* и предложит обоснование этого. Ожидалось, что на этом пути авторы русской национальной философии будут подчеркивать различия и несовместимости русской философии с другими философскими учениями (особенно западноевропейской цивилизации).

На международной конференции на тему «Русская философия и Россия сегодня», состоявшейся в Москве весной 1993 г., Сканлан прочитал доклад, оспаривающий это широко распространенное мнение, приводя доводы в пользу того, что единственно возможное успешное будущее русской философии связано с изучением *схожеств и связей* русской философии с философией других наций и с уходом от тенденции славянофилов настаивать на уникальности и исключительности любой подлинно русской философии. Случилось так, что накануне отъезда Джима в Россию на эту конференцию я связался с ним по какому-то другому вопросу и он поделился со мной планами касательно его выступления. Он понимал, что многие участники конференции не воспримут его выступление положительно, но он был уверен в справедливости и важности того, чем он собирался поделиться с аудиторией, и в какой-то степени ожидал интеллектуальных дебатов. Как и предполагалось, его выступление действительно вызвало бурную полемику, которая была продолжена в прессе, так как его доклад в скором времени был напечатан в «Вопросах философии»³².

В это же время (1994 г.) Джим Сканлан опубликовал важную антологию статей под названием «Русская мысль после коммунизма: восстановление философского наследия»³³. В нее вошли работы широкого круга философов и

³² Сканлан Дж. Нужна ли России русская философия? // *Вопр. философии*. 1994. № 1. С. 61–65.

³³ *Russian Thought After Communism: The Recovery of a Philosophical Heritage*. Armonk (NY), 1994.

исследователей, занимавшихся вопросами интеллектуальной истории, включая представителей России, Европы и США, которые поделились своими точками зрения на развитие философской мысли в постсоветский период. В этот сборник была включена статья Сканлана, содержащая его подробную трактовку общей истории славянофильства в контексте дореволюционного периода, а также рассматривавшая изучение славянофильства в советский период, приведшее к возникновению неославянофильства в период распада СССР. Эта статья в какой-то степени более подробно, чем вышеописанный доклад в Москве, раскрывает предпосылки представленных в нем выводов.

Так как Джим знал, что я уже несколько лет работал над переводом книги Ивана Ильина, представляющей собой комментарий к философии Гегеля, он попросил меня дать краткий обзор жизни и творчества И.А. Ильина для включения в эту антологию, на что я сразу же согласился. В то время Ильин был практически неизвестен даже в среде американских исследователей русской интеллектуальной истории, более того, у меня создалось впечатление, что и Джим относился к важности работ Ильина с каким-то скептицизмом. Тем не менее, когда я, в конце концов, отправил ему первую версию моей статьи, он немедленно согласился, что утеря памяти об этом мыслителе – историческая несправедливость, и немедленно включил мою статью в антологию. (Я помню, что его редакторское мастерство было выше моего, так как он в нескольких случаях приглушил отдельные всплески иронии в этой статье, чем он, несомненно, улучшил мой стиль.)

Приведу еще один пример из 2002 года, показывающий, насколько важным было мнение Джима Сканлана и как исследователя, и как редактора. Меня попросили написать вводную главу в антологию под названием «Россия и западная цивилизация»³⁴, которая стала учебным пособием для студентов колледжей. Моей задачей было представить общий обзор русской мысли в области историософии (особенно по сравнению с Западом): от Чаадаева до начала постсоветского периода. Я был намерен дать, в рамках возможного, всеохватывающий и существенный обзор. В окончательном варианте эта глава достигла пятидесяти страниц – плачевно короткая с моей точки зрения, но слишком длинная – с точки зрения редактора книги. Для того чтобы сжать длинное и сложное повествование в такой короткий текст, сохранив при этом его содержательность, я решил прибегнуть к использованию серии довольно неожиданных, с отголоском драмы, и, возможно, упрощенных заключений по каждому отдельному интеллектуальному течению, подчеркивая наиболее важное и интересное в каждом учении, опуская при этом широко известные сведения и тонкости.

В какой-то момент приступ интеллектуальной совести заставил меня обратиться к Джиму Сканлану и попросить его высказать его мнение по поводу моей работы. Понимая, что его знание многих событий в русской интеллектуальной истории было намного глубже моего, я не сомневался, что он серьезно раскритикует меня за упрощенность моего изложения. К моему удивлению, прочитав черновик, он посоветовал мне ничего не менять, так как, с его точки зрения, оживленный язык текста захватывает внимание читателя, а само повествование ведется в очень хорошем темпе, т. е. текст довольно успешно справляется со своим назначением. Получив одобрение от такого специалиста, как Джим, я отстоял напор редактора, и статья была напечатана в ее полном объеме, не было выброшено или изменено ни единого слова!

³⁴ *Grier Ph.T. The Russian Idea and the West // Russia and Western Civilization. Armonk (NY), 2003. P. 23–77.*

И последний раз, когда мне довелось снова много общаться с Джимом, был связан с печальным событием: кончиной нашего дорогого общего друга и коллеги – Джорджа Клайна, ушедшего в октябре 2014 г. Дочь Джорджа обратилась к Джиму с просьбой проследить за процессом размещения некролога и статей, посвященных памяти Джорджа, в соответствующих научных журналах. Меня попросили написать три такие статьи. И в каждом случае я прежде всего отправлял черновик Джиму, запросив его замечания и комментарии; и только после его одобрения я переходил к подготовке окончательных текстов для размещения в журналах. В данных обстоятельствах мнение Джима превышало, с моей точки зрения, мнение всех остальных друзей и коллег. Эта совместная работа, посвященная памяти Джорджа Клайна, длилась несколько месяцев и включила в себя значительную переписку.

К сожалению, почти два года спустя после смерти Джорджа Клайна (в октябре 2014 г.) после продолжительной болезни скончался и Джим Сканлан (в октябре 2016 г.). Мы глубоко чтим этого замечательного ученого и великодушного человека, сожалея, что он от нас ушел, и одновременно благодаря его за множество значительных достижений в ходе исследований, которым он посвятил свою продолжительную жизнь. Мы навсегда запоем его доброту и искренность, которыми отличались все его многочисленные личные отношения с окружающими его людьми, будь это дома или за границей, в контексте научных связей и просто дружбы.

В.Л. Марченко

Джеймс Сканлан: учитель, коллега и друг

Я впервые познакомился с Джеймсом Сканланом в августе 1991 года, дня за два до антигорбачевского путча. (Ровно десять лет спустя он окажется в Москве в другую знаменательную дату: 11 сентября 2001 г.) Он сопровождал президента Университета штата Огайо Гордона Ги во время подписания меморандума о сотрудничестве с Академией педагогических наук РСФСР, а я был переводчиком на этой церемонии. Из Академии мы отправились на экскурсию по Новодевичьему кладбищу, где мне показалось, что Джим знал больше меня о похороненных там деятелях русской культуры и советской политики. Через несколько месяцев, в марте 1992 года, мы встретились вновь уже в этом самом университете, когда я поступил туда на магистерскую программу по философии, и с тех пор мы виделись регулярно – несмотря на то, что Джим только что ушел в отставку и уже не преподавал. Помню, вскоре после нашего прибытия мы были у них на праздновании пасхи. Джим был в толстовке, дом был полон гостей, и меня поразило обилие в нем книг. Полный комплект «Энциклопедии» Брокгауза и Эфрона меня особенно удивил: я никогда еще не видел его в частном собрании. Мы подружились семьями: Джим и Мэрилин приглашали нас – меня, мою жену Людмилу и наших дочерей Машу и Дашу – к себе и не раз приходили к нам. Джим к тому же регулярно приглашал меня обедать в преподавательский клуб, и мы много говорили о русской философии за этими обедами, но я также часто советовался с ним и по самым разным вопросам. Я очень мало знал об американской академической жизни, и беседы с Джимом стали для меня своего рода школой, где я начал разбираться в том, куда я попал.

Два года спустя я поступил в междисциплинарную докторантуру, и Джим стал одним из членов моей диссертационной комиссии. Мне очень помогли его обширные знания русской философии и особенно эстетики, его доброжелательность и желание помочь, а особенно – его терпимость к чужому мнению. Дело в том, что философские наши взгляды отнюдь не во всем совпадали. По своим воззрениям Джим был довольно типичным англо-американским философом, т. е. приверженцем эмпиризма, скептицизма, формальной логики в рассуждениях и вообще той линии в философии, которая ведет к Давиду Юму и Джону Локку. Он не был, однако, приверженцем аналитической школы, которая уже господствовала тогда и господствует еще больше теперь в американской академической философии. Аналитическая школа была слишком абстрактной и сухой для него, слишком оторванной от здравого смысла, культурных интересов и политических реалий. Определенная же узость просвещенческой англо-американской традиции, с которой, как я только что сказал, у меня связывается умственный облик Сканлана, возмещалась у него духом американского либерализма и терпимости, но превыше всего – глубоким и неизменным интересом к другим культурам и особенно к русской. Они с Мэрилин были завязанные путешественники, и мы с Людмилой не раз замороженно слушали рассказы об их многомесячных плаваниях на больших океанских грузовых кораблях по всему миру. На этих судах, оказывается, есть небольшое число пассажирских кают, они прекрасно оборудованы для жизни и команды, и пассажиров, и Сканланы регулярно нагуливали километры по периметру корабля, купались в бассейне и ужинали в капитанской столовой. Когда Джим работал над книгой о Достоевском, например, он прихватил с собой два чемодана книг и неделями читал в каюте, делая выписки и набирая материалы – и так несколько месяцев, пересекая океаны, время от времени останавливаясь в экзотических портовых городах.

Джим сыграл большую роль в моей профессиональной судьбе. Он был очень ответственным ментором: внимательно читал главы моей диссертации и возвращал их всегда вовремя со своими пометками, был очень терпелив со мной, на упрямство отвечал улыбкой, но мнения своего о «дырах» в моей аргументации никогда не скрывал. Когда я закончил докторантуру и стал искать работу, он исправно посылал свои рекомендательные письма всюду, куда я подавал документы. Он познакомил меня с Джорджем Клайном, ветераном изучения русской философии в США, переводчиком «Истории русской философии» В.В. Зеньковского, и вместе они порекомендовали меня в качестве редактора по русской философии для второго издания главной американской философской энциклопедии (издательства Макмиллан). Он был блестящим переводчиком с русского на английский и с большим вниманием помогал мне в переводе «Диалектики мифа» А.Ф. Лосева, а в 2003 г., когда я организовал в Университете штата Огайо конференцию, посвященную Лосеву, он прочел доклад, присланный Клайном, который уже не мог приехать сам, и даже устроил у себя дома прием для участников. Кстати, интерес к Лосеву у нас был общий: Джим одним из первых в США написал несколько статей о нем и до конца своих дней завидовал Клайну, который лично встречался с Лосевым. Невозможно припомнить все случаи, когда Джим помогал мне – советом ли, рекомендацией ли, подсказкой, а наипаче всего – своим собственным примером, своей ровностью в обращении, дружелюбием, открытостью даже к тому, к чему он относился с иронией или скептицизмом, трезвым взглядом на вещи и суховатым чувством юмора. Я не помню, чтобы он хоть когда-нибудь рассердился или поддался раздражению; многим из нас

пригодилась бы даже толика его сдержанности. При этом он совершенно не был сентиментален, был даже слегка отстранен, души нараспашку не носил и воли чувствам никогда не давал. Неизменный здравый смысл был одной из самых привлекательных его черт.

Была в его характере, впрочем, и доля озорства. За одним из наших обедов в преподавательском клубе я как-то заговорил о его духовных интересах, на что он тут же ответил, что он человек совершенно неверующий и с религией не имеющий никаких отношений. Признаться, его заявление застало меня врасплох: мы уже много раз с ним обсуждали религиозную русскую философию, и я из его явной заинтересованности заключил, что он сочувствовал этому направлению в русской мысли. Я тогда еще не привык к спокойному светскому отношению к религии и был, очевидно, все еще под впечатлением от воинствующего советского атеизма и столь же воинствующего противостояния ему: если ты не за одно, то уж обязательно за другое. Джим же смотрел на мою растерянность с довольной, какой-то мальчишеской улыбкой: ему явно понравилось, что он не выдал своего атеизма и что я так долго (к тому времени мы уже знали друг друга несколько лет) не мог распознать его. Для меня это был незабываемый урок. В поведении Джима не было желания обмануть; им явно руководило стремление оставаться одновременно беспристрастным и заинтересованным – редкое сочетание, и оно ему сослужило хорошую службу как ученому.

Время от времени Джим делился со мной черновиками своих статей и спрашивал мое мнение о них. Так, он дал мне свой доклад, который он собирался прочесть на Международном философском конгрессе в Москве в 1993 году, – знаменитый доклад «Нужна ли России русская философия?», вызывавший тогда столько споров в России. Теперь я уже не помню хорошенько нашего разговора об этом докладе; боюсь, что моя реакция не дала ему много ценного, и помню, что развернувшаяся после него дискуссия в России стала для меня неожиданностью. Но Джим был весьма доволен этим ходом событий, хотя вряд ли он всерьез полагал, что его российские коллеги последуют его рекомендациям.

В начале 2016 года у жены Джима Мэрилин случился инсульт, и ее спасли быстрые действия Джима. Она была в операционной через пятнадцать минут после момента, когда потеряла сознание. Джим заботился о Мэрилин самым трогательным образом, проводя с ней каждую минуту времени, пока она проходила курс лечения после операции. Мэрилин удивительно быстро поправлялась, и уже через несколько недель после операции мы получили от нее открытку, написанную ее собственной рукой – той самой, которая была парализована после инсульта. В последний раз мы виделись с ними в мае 2016 г., перед нашей поездкой в Россию. Джим шутил о горе счетов за медицинские услуги, лежавшей на столе в их гостиной, расспрашивал о нашей предстоящей поездке. Тогда у нас состоялся наш последний разговор на философские темы. Речь, если не ошибаюсь, зашла о смысле человеческого существования. Я спросил его: «С высоты Вашего опыта, что Вы думаете о жизни? Нашли в ней какой-то смысл, разумный ход событий?». На это он ответил, добродушно смеясь: «Ни черта не заметил, никакого смысла во всей этой чепухе нет». В его словах не было ни горечи, ни разочарования; он сказал это, как будто его это наблюдение позабавило. «Вылитый Юм», – подумал я. На этом философская часть нашего разговора и закончилась. Мы еще строили планы на девяностолетие Джима, которое должно было состояться 22 февраля следующего года, и напоследок Мэрилин благодарила нас за особые яблоки, которые мы привезли им с фермерского рынка.

Осенью я забеспокоился, когда Джим не ответил на мое послание по электронной почте, попытался дозвониться и заволновался еще больше, когда никто не отвечал на мои многократные звонки. И только спустя несколько дней мне удалось поговорить с Мэрилин, и я узнал, что у Джима обнаружили рак, что была операция, что она прошла успешно и что он все еще в больнице. Через неделю или две я позвонил снова, и Мэрилин подняла трубку. «Ну что, Джим уже дома, поправляется?» – спросил я голосом пободрее. Всхлипывая, прерывающимся голосом Мэрилин сказала мне, что Джима не стало днем раньше.

Пока я не начал писать эти заметки, я не представлял, до какой степени моя жизнь переплелась с жизнью Джима Сканлана. Нет смысла жалеть, что он ушел: он прожил долгую и плодотворную жизнь. Но пожалеть о том, что его нет рядом, мне придется еще не раз, и, наверное, не мне одному. И все же главное чувство, которое я испытываю, когда думаю о Джиме, это чувство благодарности – и ему, и судьбе за то, что она меня с ним свела. В этом-то для меня, вне всякого сомнения, есть немалый смысл.

Список литературы

Валицкий А. По поводу «русской идеи» в русской философии // *Вопр. философии.* 1994. № 1. С. 68–72.

Кувакин В.А. Религиозная философия в России: Начало XX в.. М.: Мысль, 1980. 309 с.

Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию кафедры истории русской философии / Под общ. ред. В.А. Кувакина, М.А. Маслина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. 688 с.

Сканлан Дж.П. Достоевский как мыслитель / Пер. с англ. Д. Васильева и Н. Киреевой. СПб.: Академический проект, 2006. 256 с.

Скенлен Дж.П. Лавров Петр Лаврович / Пер. с англ. М.А. Маслина // *Русская философия. Слов.* / Под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Республика, 1995. С. 252–253.

Скенлен Дж.П. Мережковский Дмитрий Сергеевич / Пер. с англ. М.А. Маслина // *Русская философия. Слов.* / Под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Республика, 1995. С. 294–296.

Скэнлан Дж.П. Нужна ли России русская философия? // *Вопр. философии.* 1994. № 1. С. 61–65.

Скэнлан Дж.П. Квитко Давид Юрьевич / Пер. с англ. М.А. Маслина // *Русская философия. Энцикл.* / Под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Республика, 2014. С. 273–274.

A History of Russian Philosophy. From the Tenth Through the Twentieth Centuries: in 2 Vols. / Ed. by V. Kuvakin. Buffalo (NY): Prometheus Books, 1993.

Billington J.H. The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture. N. Y.: Knopf, 1966. 786 p.

Encyclopedia of Philosophy: in 8 Vols. / Ed. by P. Edwards. N. Y.; L.: Macmillan, 1968.

Grier Ph.T. Review: Marxism in the USSR: A Critical Survey of Current Soviet Thought. by James P. Scanlan // *Slavic Review.* 1986. Vol. 45. No. 2. P. 394–395.

Grier Ph.T. The Russian Idea and the West // *Russia and Western Civilization* / Ed. by R. Bova. Armonk (NY): M.E. Sharpe, 2003. P. 23–77.

Ideas and Power in Modern Europe. A Conference in Honor of Andrzej Walicki (January 20–21, 2006) // *Dialogue and Universalism.* 2006. Vol. XVI. No. 1–2. P. 115–117.

Lavrov P. Historical Letters / Trans. with an Introduction and Notes by J.P. Scanlan. Berkely; Los Angeles: University of California Press, 1967. 371 p.

Russian Philosophy: in 3 Vols. / Ed. by J.M. Edie, J.P. Scanlan, M.-B. Zeldin with the collaboration of G.L. Kline. Knoxville: University of Tennessee Press, 1976. (Previous eds.: Chicago, 1965 and 1969.)

Russian Thought After Communism. The Rediscovery of a Philosophical Heritage / Ed. by J.P. Scanlan. N. Y.; L.: M.E. Sharpe, 1994. 238 p.

Scanlan J.P. Tolstoy as Analytic Thinker: His Philosophical Defense of Nonviolence // Studies in East European Thought. 2011. Vol. 63. No. 1. P. 7–14.

Scanlan J.P. Dostoevsky the Thinker. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2002. 251 p.

Scanlan J.P. John Stuart Mill in Russia: A Bibliography // The Mill News Letter. 1968. Vol. IV. No. 1. P. 2–11.

Scanlan J.P. Marxism in the USSR: A Critical Survey of Current Soviet Thought. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1985. 362 p.

Scanlan J.P. Nicholas Chernyhevsky and Philosophical Materialism in Russia // Journal of the History of Philosophy. 1970. Vol. VIII. No. 1. P. 65–86.

The American Bibliography of Slavic and East European Studies for 1970, 1971 and 1972 / Ed. by J.P. Scanlan. Columbus: American Association for the Advancement of Slavic Studies, 1974. 306 p.

Walicki A. Osobowość a historia. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1959. 487 p.

Walicki A. Personality and Society in the Ideology of Russian Slavophiles. A Study in the Sociology of Knowledge // California Slavic Studies. Vol. II / Ed. by N. Riasanovsky, G. Struve. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1963. P. 1–20.

Reminiscences about James Scanlan

“James Scanlan”

Andrzej Walicki, University of Notre Dame, Notre Dame, Indiana, 46556, USA; e-mail: philosjournal@iph.ras.ru

“Life and works of James Scanlan”

Alyssa DeBlasio, Dickinson College. Carlisle, Pennsylvania, 17013, USA; e-mail: deblasia@dickinson.edu

Richard T. DeGeorge, University of Kansas. Lawrence, KS 66045-7590, USA; e-mail: philosjournal@iph.ras.ru

“James Scanlan as historian of Russian thought”

Mikhail Maslin, Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: rf@philos.msu.ru

“My intellectual encounters with James Scanlan”

Valery Kuvakin, Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: rf@philos.msu.ru

“To the memory of James Scanlan”

Eve Levin, The Russian Review, 320 Bailey Hall, 1440 Jayhawk Boulevard, Lawrence, KS 66045-7574, USA; e-mail: evelevin@ku.edu

“James P. Scanlan: a Personal Remembrance”

Philip T. Grier, Dickinson College. Carlisle, Pennsylvania, 17013, USA; e-mail: grier@dickinson.edu

“James Scanlan: mentor, colleague, friend”

Vladimir Marchenkov, Ohio University, School of Interdisciplinary Arts. 31 South Court Street, Room 068, Athens, Ohio 45701, USA; e-mail: marchenk@ohio.edu

Recollections here published are a posthumous tribute to James Scanlan, an American historian of Russian philosophy who became famous for his writing on the philosophical views of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky as well as for masterful English translations of the works of Russian philosophers. Scanlan also wrote extensively on the history of Marxism in the Soviet Union and post-Soviet Russia. Among Scanlan's accomplishments a multi-volume anthology of *Russian Philosophy* he co-authored with James Edie, Mary-Barbara Zeldin and George Kline deserves special mention. It still remains an indispensable reference work in university courses throughout America. Scanlan had been among the pioneers of what came to be known as 'philosophical Sovietology'. Authors of the essays composing this section explore Scanlan's biography and the evolution of his scholarship in connection with the events of his life. A special place is given to personal impressions from meeting Scanlan, the memories of witnessing his reaction to historical developments, in particular to the changes that occurred in Russia in 1990s.

Keywords: Scanlan, Tolstoy, Dostoyevsky, George Kline, Russian philosophy, philosophical Sovietology, Marxism

References

Billington, J.H. *The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture*. New York: Knopf, 1966. 786 pp.

Edie, J.M., Scanlan, J.P., Zeldin, M.-B. & Kline, G.L. (eds.) *Russian Philosophy*, 3 Vols. Knoxville: University of Tennessee Press, 1976. (Previous eds.: Chicago, 1965 and 1969)

Edwards, P. (ed.) *Encyclopedia of Philosophy*, 8 Vols. New York; London: Macmillan, 1968.

Grier, Ph.T. "The Russian Idea and the West", *Russia and Western Civilization*, ed. by R. Bova. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2003, pp. 23–77.

Grier, Ph.T. Review: "Marxism in the USSR: A Critical Survey of Current Soviet Thought. by James P. Scanlan", *Slavic Review*, 1986, Vol. 45, No. 2, pp. 394–395.

"Ideas and Power in Modern Europe. A Conference in Honor of Andrzej Walicki (January 20–21, 2006)", *Dialogue and Universalism*, 2006, Vol. XVI, No. 1–2, pp. 115–117.

Kuvakin, V. *Religioznaja filosofija v Rossii: Nachalo XX veka* [Religious philosophy in Russia: The beginning of the 20th century]. Moscow: Mysl' Publ., 1980. 309 pp. (In Russian)

Kuvakin, V. (ed.) *A History of Russian Philosophy. From the Tenth Through the Twentieth Centuries*, 2 Vols. Buffalo, NY: Prometheus Books, 1993.

Kuvakin, V. & Maslin, M. (eds.) *Russkaya filosofskaya mysl': na Rusi, v Rossii i za rubezhom. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 70-letiyu kafedry istorii russkoi filosofii* [Russian Philosophy: in Kievan Rus, in Russia and Abroad. Papers in honour of the 70th anniversary of the Department of Russian philosophy]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2013. 688 pp. (In Russian)

Scanlan, J.P. (ed.) P. Lavrov, *Historical Letters*. Berkely; Los Angeles: University of California Press, 1967. 371 pp.

Scanlan, J.P. (ed.) *The American Bibliography of Slavic and East European Studies for 1970, 1971 and 1972*. Columbus: American Association for the Advancement of Slavic Studies, 1974. 306 pp.

Scanlan, J.P. "Kvitko David Yur'evich", trans. by M. Maslin, *Russian Philosophy*, ed. by M. Maslin. Moscow: Respublika Publ., 2014, pp. 273–274. (In Russian)

Scanlan, J.P. "Lavrov Petr Lavrovich", trans. by M. Maslin, *Russian Philosophy*, ed. by M. Maslin. Moscow: Respublika Publ., 1995, pp. 252–253. (In Russian)

Scanlan, J.P. "Merezhkovskii Dmitrii Sergeevich", trans. by M. Maslin, *Russian Philosophy*, ed. by M. Maslin. Moscow: Respublika Publ., 1995, pp. 294–296. (In Russian)

Scanlan, J.P. "Tolstoy as Analytic Thinker: His Philosophical Defense of Nonviolence", *Studies in East European Thought*, 2011, Vol. 63, No. 1, pp. 7–14.

Scanlan, J.P. "Nuzhna li Rossii russkaya filosofiya?" [Does Russia need a Russian philosophy?], *Voprosy filosofii*, 1994, No. 1, pp. 61–65.

Scanlan, J.P. (ed.) *Russian Thought After Communism. The Rediscovery of a Philosophical Heritage*. New York; London: M.E. Sharpe, 1994. 238 pp.

Scanlan, J.P. "John Stuart Mill in Russia: A Bibliography", *The Mill News Letter*, 1968, Vol. IV, No. 1, pp. 2–11.

Scanlan, J.P. "Nicholas Chernyhsevsky and Philosophical Materialism in Russia", *Journal of the History of Philosophy*, 1970, Vol. VIII, No. 1, pp. 65–86.

Scanlan, J.P. *Dostoevskii kak myslitel'* [Dostoevsky the Thinker], trans. by D. Vasil'ev and N. Kireeva. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2006. 256 pp.

Scanlan, J.P. *Dostoevsky the Thinker*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002. 251 pp.

Scanlan, J.P. *Marxism in the USSR: A Critical Survey of Current Soviet Thought*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1985. 362 pp.

Walicki, A. "Personality and Society in the Ideology of Russian Slavophiles. A Study in the Sociology of Knowledge", *California Slavic Studies*, Vol. II, ed. by N. Riasanovsky and G. Struve. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1963, pp. 1–20.

Walicki, A. "Po povodu 'russkoi idei' v russkoi filosofii" [About the 'Russian idea' In Russian philosophy], *Voprosy filosofii*, 1994, No. 1, pp. 68–72. (In Russian)

Walicki, A. *Osobowość a historia* [Personality and history]. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1959. 487 pp. (In Polish)